4Т

ВСЕРОССІЙСКІЙ СЪѢЗДЪ

Союза 17 октября.

8—12 февраля 1906 года въ Москвѣ.

450555 у

Рѣчь Д. Н. Шипова.

— Позвольте мнѣ, какъ предсѣдателю московскаго центральнаго комитета Союза 17-го октября, объявить открытымъ первый всероссійскій съѣздъ этого Союза. Манифестъ 17-го октября призвалъ всѣхъ русскихъ гражданъ къ активной законодательной дѣятельности. Этотъ призывъ съ высоты Престола обязываетъ всѣхъ насъ сплотиться, чтобы вывести на путь спасенія измученную и разоренную злосчастной войною и внутренними смутами родину. И съ этой цѣлью нашъ союзъ выступилъ въ ноябрѣ минувшаго года съ воззваніемъ, приглашая всѣхъ, кто искренно желаетъ мирнаго обновленія нашей родины, торжества въ ней порядка, законности и дѣйствительной свободы, кто отвергаетъ одинаково застой и революціонныя потрясенія,—сплотиться вокругъ началъ, возвѣщенныхъ манифестомъ 17-го октября, и объединиться въ „Союзъ 17-го октября". Мы приглашали вступить въ союзъ какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыя партіи, программы которыхъ въ основныхъ положеніяхъ согласны въ воззваніемъ союза. И нашъ призывъ встрѣтилъ сочувствіе въ самыхъ широкихъ кругахъ населенія. Быстро возрастало число членовъ Союза, быстро увеличивалось число отдѣловъ Союза и присоединяющихся къ нему партій. Вскорѣ были учреждены отдѣленія и комитеты Союза въ 38 губернскихъ и 86 уѣздныхъ городахъ; къ Союзу присоединилось 18 партій, сохранивъ свою автономную самостоятельность. Центральными комитетами и бюро Союза получена масса приговоровъ крестьянскихъ и другихъ обществъ о присоединеніи къ Союзу. Главной и ближайшей задачей союза является объединеніе съ цѣлью провести въ Государственную Думу наилучшихъ людей, убѣжденныхъ сторонниковъ правъ и свободъ, возвѣщенныхъ манифестомъ 17-го октября, проникнутыхъ сознаніемъ необходимости внести умиротвореніе въ потрясенную смутами страну путемъ созидательной законодательной дѣятельности народныхъ представителей и укрѣпленія Государственной власти. Чтобы достигнуть этой высокой цѣли, необходимо объединеніе, ибо въ единеніи—сила. И чтобы достигнуть живого общенія между всѣми членами союза и вошедшими въ него партіями и общими силами рѣшить вопросъ о тактикѣ, которой надо держаться при предстоящихъ выборахъ въ Государственную Думу,—центральными комитетами союза и признано, что необходимо созвать настоящій первый всероссійскій съѣздъ делегатовъ Союза. И теперь на съѣздѣ делегатамъ отъ всѣхъ этихъ отдѣленій и партій предстоитъ обсудить вопросъ, какъ при полномъ объединеніи сохранить въ то же время автономію. Въ скоромъ времени предстоятъ выборы въ Государственную Думу. Мы всѣ одинаково заинтересованы, чтобы въ Думу были выбраны дѣйствительно лучшіе люди, искренно, всей душой стоящіе за осуществленіе всѣхъ обѣщанныхъ манифестомъ 17-го октября реформъ. И потому необходимо общими силами обсудить и разрѣшить вопросъ о тактикѣ, которой слѣдуетъ держаться нашему союзу при предстоящихъ выборахъ. Однимъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ, подлежащихъ разрѣшенію съѣзда, является вопросъ объ отношеніи Союза къ современной дѣятельности правительства. Мы призываемъ всѣ мирныя прогрессивныя партіи сплотиться воедино для мирнаго проведенія въ жизнь реформъ, возвѣщенныхъ манифестомъ 17-го октября. Для наиболѣе успѣшнаго достиженія этой цѣли необходимо было бы взаимодѣйствіе общества и правительства. Но такое взаимодѣйствіе возможно лишь тогда, когда общество будетъ вполнѣ увѣрено, что правительство искренно, честно и послѣдовательно будетъ проводить въ жизнь всѣ начала манифеста 17-го октября. Къ сожалѣнію, мы не видимъ съ его стороны искренности, честности и послѣдовательности въ томъ великомъ дѣлѣ, которое поручено ему, вмѣнено въ прямую обязанность и прямой долгъ Державной волей.

Въ особенности не видимъ этого за послѣднее время!

До сихъ поръ, напримѣръ, намъ все еще неизвѣстно, когда же, наконецъ, будетъ созвана Государственная Дума, которая должна была быть созвана не позднѣе января. Правительство говоритъ намъ, что задержка въ созывѣ Думы произошла потому, что оно желало обсудить вопросъ при содѣйствіи общественныхъ представителей, которые, однако, не откликнулись на призывъ правительства. Но призывая къ содѣйствію общественныхъ дѣятелей, правительство въ то же самое время не считало нужнымъ считаться съ ярко выраженнымъ общественнымъ мнѣніемъ. И, конечно, немудрено, что общественные дѣятели при такихъ условіяхъ отказались отъ содѣйствія правительству, въ искренность котораго не вѣрили, да и не могли вѣрить. Вѣдь, при искреннемъ желаніи осуществить Державную волю правительство легко могло получить и содѣйствіе общественныхъ дѣятелей и избѣжать всякихъ отсрочекъ въ созывѣ Государственной Думы.

Но такого желанія со стороны правительства не было!

Манифестъ 17-го октября провозгласилъ о гражданскихъ свободахъ, а правительство не позаботилось даже издать временныя правила, которыя регулировали бы эти свободы. И такъ какъ не было этихъ правилъ, нормирующихъ свободы, то послѣднія вскорѣ и обратились въ произволъ. Этотъ произволъ вызвалъ взрывъ революціоннаго движенія, а послѣднее, въ свою очередь, вызвало жестокое подавленіе его крутыми репрессивными мѣрами, повлекшими за собой сотни и тысячи жертвъ. Но когда, наконецъ, революціонное движеніе было подавлено,—правительство, однако, попрежнему продолжало идти и до сихъ поръ идетъ по пути крутыхъ репрессій и продолжаетъ насилія и произволъ надъ обществомъ. Грубо нарушаются всѣ права и свободы, возвѣщенныя Высочайшимъ манифестомъ 17-го октября!

1773

Но если можно еще мириться съ подавленіемъ грубой силою вооруженнаго возстанія,—то нельзя, не должно ни въ какомъ случаѣ мириться съ тѣмъ, что правительство производитъ насилія надъ мирнымъ населеніемъ и разрушаетъ всѣ права и свободы.

Съѣзду необходимо разрѣшить вопросъ объ отношеніи къ такой дѣятельности правительства. Только тогда объединенныя союзомъ партіи смогутъ общими силами выполнить лежащія на нихъ задачи и долгъ передъ родиной.

Рѣчь А. И. Гучкова.

Запоздалый созывъ перваго всероссійскаго съѣзда нашей партіи имѣетъ свою серьезную, невыгодную сторону. Въ послѣднее время создались крайне неблагопріятныя условія для общественно-политической жизни въ Россіи. Нашимъ единомышленникамъ на мѣстахъ приходилось работать безъ объединенія, безъ поддержки. Но, можетъ быть, эта запоздалость созыва настоящаго съѣзда имѣетъ и свою хорошую сторону. И вотъ въ чемъ: мы явились сюда уже не политическими новичками... За нами три мѣсяца боевой работы. А теперь, вѣдь, какъ въ Севастополѣ во время осады его, надо считать мѣсяцы за годы. Много передумано и пережито нами за все это время. И много накопилось у всѣхъ насъ вопросовъ. И всѣ мы одинаково чувствуемъ необходимость выяснить ихъ, установить наши взгляды на окружающія насъ событія и на то, что ожидаетъ насъ въ недалекомъ будущемъ. Насъ все время преслѣдовали неблагопріятныя условія: почтово-телеграфныя и желѣзнодорожныя забастовки, вооруженные мятежи... Все прочило намъ неуспѣхъ... И что же? Вы слышали отъ Д. Н. Шипова, какъ растетъ число членовъ нашего Союза, сколько у насъ уже организовано по всѣмъ губерніямъ и уѣздамъ комитетовъ и отдѣленій! Можетъ быть, всѣмъ этимъ мы обязаны энергіи нашихъ дѣятелей. Но въ то же время развѣ не доказываетъ это также жизненность самой партіи?..

Мы собрались здѣсь, чтобы выяснить организаціонные вопросы и вопросы тактики. Но еще важнѣе для насъ выяснить самихъ себя, наше отношеніе къ правительству, нашу роль въ общей экономіи политическихъ партій. И поэтому полезно вспомнить нашу исторію. Она начинается не съ 17-го октября, а много ранѣе. Волна освободительнаго движенія поднялась и захватила насъ еще прежде 17-го октября, и многіе изъ насъ приняли самое дѣятельное участіе въ борьбѣ за это освободительное движеніе. Всѣмъ намъ одинаково казалось, что главной причиной всего нашего соціальнаго и политическаго зла есть абсолютизмъ, опирающійся на бюрократическое правленіе. И мы вступили въ борьбу противъ этого абсолютизма, этого неограниченнаго самовластія и произвола бюрократіи. Въ нашихъ рядахъ мы имѣемъ такихъ видныхъ общественныхъ дѣятелей, принимавшихъ участіе въ борьбѣ за освободительное движеніе, какъ Д. Н. Шиповъ и М. А. Стаховичъ. (Бурные аплодисменты). Д. Н. Шиповъ, одинъ изъ первыхъ началъ борьбу за право участія народа въ законодательной дѣятельности. М. А. Стаховичъ первый возвысилъ голосъ за свободу совѣсти. А это было еще въ то время, когда и говорить о такихъ предметахъ и аплодировать такъ, какъ вы сейчасъ аплодируете, было не такъ удобно и безопасно. Вы помните, какими репрессіями встрѣчало правительство самыя робкія попытки протеста противъ своего неограниченнаго самовластія. Тогда правительство опиралось на массы, которыя еще не приглядѣлись къ кореннымъ причинамъ зла.

Но вотъ началась несчастная война, и послѣ цѣлаго ряда позорныхъ неудачъ, раскрывшихъ гнойныя язвы приказнаго строя,—прозрѣли и слѣпые, и тѣ, которые намѣренно жмурились, не желая видѣть истинныхъ причинъ зла. И всѣмъ стало ясно, что абсолютизмъ, опирающійся на бюрократическій сгнившій строй, довелъ нашу родину до всѣхъ униженій и бѣдъ. И пронесся по всей странѣ вопль: «такъ больше жить нельзя!» Освободительное движеніе, охватившее всѣ классы общества, всѣ слои населенія, вынудило, наконецъ, правительство пойти на уступки. Вы помните рядъ рескриптовъ и манифестовъ, всѣ эти широкія обѣщанія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, скупыя и запоздалыя уступки... Призывъ народныхъ представителей къ участію въ управленіи страной я читалъ въ Мукденѣ подъ грохотъ канонады, во время той самой борьбы, которая заставляла васъ здѣсь содрогаться за тысячи верстъ. И я помню, какъ этотъ призывъ электризовалъ массы! Но... послѣдствіемъ этого призыва оказался законъ 6-го августа, стремившійся укрѣпить основы стараго приказнаго строя. И негодованіе общества въ то время было вполнѣ законно. И начались новыя смуты и новая борьба за освободительное движеніе, еще болѣе единодушная, энергичная. Тогда появился манифестъ 17-го октября. Казалось, что онъ далъ все. И вотъ, явилась мысль объединиться вокругъ этого манифеста. Мысль о необходимости такого объединенія вспыхивала и тамъ и тутъ. Повсюду создавались очаги. И вотъ образовался нашъ Союзъ. Въ настоящее время мы всѣ свидѣтели того, что сталось съ этимъ манифестомъ.

Но возвращаюсь къ вопросу о положеніи нашего Союза среди другихъ политическихъ партій. Члены нашего союза все время участвовали въ общемъ освободительномъ движеніи, пока, наконецъ, намъ не пришлось разстаться съ нѣкоторыми группами и партіями. Еще на московскомъ съѣздѣ въ іюнѣ прошлаго года намѣтилась дифференціація партій. Сентябрьскій съѣздъ городскихъ и земскихъ дѣятелей вполнѣ точно опредѣлилъ эту дифференціацію.

Созданныя старымъ приказнымъ строемъ доктринерство, оторванность отъ жизни создали крайности, отъ которыхъ отшатнулись широкіе круги населенія. Въ числѣ отшатнувшихся были и мы. Намъ казалось, что мы не можемъ относиться отрицательно къ тому, что создано Старой Россіей. Намъ казалось, что величіе Россіи, что славное имя ея, которое было такъ замарано тамъ, въ Манчжуріи, должны быть возстановлены и, обновленныя, перенесены въ Новую Россію. Намъ казалось, что монархическое начало, которое сыграло въ Россіи такую громадную роль, тоже должно быть перенесено обновленнымъ въ Новую Россію. И доктринерство крайнихъ партій, ихъ оторванность отъ всей исторической жизни Россіи оттолкнули насъ отъ нихъ. Отстаивая тѣ начала, которыхъ не признавали крайнія партіи, и добиваясь народнаго представительства, всеобщаго избирательнаго права, осуществленія всѣхъ реформъ, возвѣщенныхъ манифестомъ 17-го октября,—мы были увѣрены, что стоимъ ближе къ народу и вѣрнѣе понимаемъ его запросы и стремленія. И намъ казалось, что все, что мы отстаиваемъ, даетъ намъ право считаться народной партіей, и что во всемъ этомъ и заключается тотъ успѣхъ, котораго мы достигли, и тотъ залогъ побѣды, которую должны мы одержать. И вотъ, на почвѣ этихъ вѣрованій и задачъ и произошло наше объединеніе. Если здѣсь, на этомъ съѣздѣ, мы встрѣтимъ разноголосицу, то пусть она не смущаетъ насъ. Основныя начала нашего Союза—сильный цементъ, который въ состояніи скрѣпить насъ въ могучую политическую партію. Намъ необходимо въ данный моментъ сказать свое авторитетное слово,—и мы его *скажемъ*, и оно *будетъ* выслушано и произведетъ должное впечатлѣніе. Манифестъ 17-го октября подвергся той же участи, которой подвергались и всѣ прежнія обѣщанія съ высоты Престола. Мнѣ невольно вспоминается русская пословица: „жалуетъ царь, да не милуетъ псарь". Насъ и теперь не пожаловали.

Наше отечество переживаетъ такое недомоганіе, что дальнѣйшее врачеваніе нельзя откладывать; но оно находится въ ненадлежащихъ рукахъ, и не настоящему кабинету въ его настоящемъ составѣ вывести насъ на путь спасенія.

Рѣчь М. А. Стаховича.

Въ точномъ исполненіи правительствомъ манифеста 17-го октября заключаются всѣ основы нашихъ задачъ, дѣятельности и пропаганды. Отъ этого зависитъ, кромѣ того, и спасеніе нашей родины, прекращеніе въ ней смутъ и неурядицъ. Нужно ли говорить, что никто изъ насъ не считаетъ себя врагомъ правительства, что мы совсѣмъ не желаемъ низвергнуть или казнить его. Но правительство за весь пережитый нами періодъ послѣ манифеста 17-го октября глубоко неправо передъ страной,—и мы должны, мы обязаны открыто и прямо высказать это! Предвозвѣщая преобразованіе всего русскаго государственнаго строя на началахъ гражданской и политической свободы, манифестъ 17-го октября вмѣняетъ въ обязанность правительству: „не останавливая предназначенныхъ выборовъ въ Государственную Думу, привлечь теперь же къ участію въ Думѣ, по мѣрѣ возможности, соотвѣтствующей краткости до созыва Думы срока, тѣ классы населенія, которые нынѣ совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ".

Вотъ главная задача, которая была поручена законодателемъ правительству!

И правительство не исполнило этой задачи. Оно всячески уклонялось отъ выполненія непреклонной Высочайшей воли и всѣми силами старалось и все еще до сихъ поръ старается оттянуть осуществленіе непріятнаго для него контроля со стороны народныхъ представителей надъ цѣлесообразностью и закономѣрностью своихъ дѣйствій.

Вѣдь, для изданія закона 11-го декабря совсѣмъ не требовалось двухъ мѣсяцевъ. Это могло быть сдѣлано гораздо скорѣе,—при желаніи, въ нѣсколько дней. А между тѣмъ, за эти два мѣсяца вся страна оставалась въ неизвѣстности о днѣ созыва Думы и изнемогала отъ смутъ и потрясеній! Развѣ самой обширной куріи, — нуждающимся въ представительствѣ людямъ,—я говорю о куріи крестьянъ,—необходимъ былъ этотъ пресловутый законъ 11-го декабря?.. Вѣдь, эта подготовительная работа совсѣмъ не касалась крестьянъ,—и въ средѣ ихъ могли быть давно уже изготовлены и закончены избирательные списки. И тогда наполовину была бы осуществлена самая дорогая, самая насущная забота русскаго народа и во много разъ скорѣе былъ бы осуществленъ и самый манифестъ 17-го октября. А безъ осуществленія этого манифеста мы не можемъ представить себѣ ни спасенія страны, ни дальнѣйшаго ея существованія! Только Государственная Дума сможетъ залѣчить всѣ раны, нанесенныя странѣ старымъ приказнымъ строемъ. Униженія и позоръ на Дальнемъ Востокѣ, революціонныя движенія и аграрные безпорядки внутри Россіи, разоряющія ея благосостояніе забастовки,—все это результаты преступной дѣятельности отжившаго строя! Во всемъ этомъ нельзя не видѣть ослабленія государственной власти. Я говорю не о той власти, которая безъ суда и слѣдствія высылаетъ, арестуетъ и гноитъ въ тюрьмѣ тысячи и десятки тысячъ людей и возмущаетъ и душитъ всю страну своими насиліями и произволомъ, вызывая общее раздраженіе и негодованіе... Нѣтъ! Я говорю о той государственной власти, которая составляетъ оплотъ государству, — этому огромному корпусу, соединяющему въ себѣ столько противорѣчивыхъ требованій и стремленій. Я говорю о той твердой власти, которая не только не даетъ опрокинуться государственному судну, но и предотвращаетъ его излишнюю качку. И отсутствію этой власти мы во многомъ обязаны проявленіями всевозможныхъ безчинствъ, насилій и беззаконій, имѣвшихъ мѣсто за послѣднее время. Весь пережитый нами періодъ революціи есть прямое послѣдствіе ослабленія въ Россіи авторитета государственной власти. Говоря о революціи, я имѣю въ виду не требованія, предъявляемыя правительству, а тѣ способы, которыми пытались вырвать у правительства свободы и реформы, обѣщанныя манифестомъ 17-го октября. Правительство обязано было подчиниться волѣ Государя о скорѣйшемъ созывѣ Думы. Плохая, несовершенная Дума, но должна была быть созвана немедленно!.. И теперь самымъ непремѣннымъ нашимъ требованіемъ къ правительству должно быть требованіе, чтобы оно немедля же приступило къ выполненію самой главной задачи, порученной ему непреклонной волей Государя.

Имѣя въ виду всю сложность составленія избирательныхъ списковъ въ самыхъ крупныхъ городахъ, въ самыхъ многолюдныхъ центрахъ,—мы все-таки съ закономъ въ рукахъ можемъ почти съ полной увѣренностью сказать, что списки избирателей по всей Россіи могутъ быть закончены и выставлены для обозрѣнія не позднѣе 1-го марта. Такимъ образомъ при самомъ точномъ и буквальномъ соблюденіи 9-й статьи закона 11-го декабря, къ избранію выборщиковъ можетъ быть приступлено 1-го апрѣля, день выборовъ членовъ въ Государственную Думу произведенъ около 15-го апрѣля и самая Дума созвана къ 25—30 апрѣля.

И она должна быть созвана! Мы должны энергично потребовать отъ правительства, чтобы оно выполнило непреклонную волю Государя!..

Затѣмъ перехожу къ другой заповѣди манифеста 17-го октября, также не исполненной правительствомъ. Въ первомъ пунктѣ манифеста сказано: „на обязанность правительства возлагаемъ Мы выполненіе непремѣнной Нашей воли даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній, союзовъ".

Намъ всѣмъ уже давно надоѣло слышать отъ правительства, что всѣ эти свободы будто бы не могли быть осуществлены и не могутъ быть осуществлены до тѣхъ поръ, пока не прекратится революціонное движеніе, широкой волной охватившее всю Россію. А подъ этимъ революціоннымъ движеніемъ правительство понимало всѣ безпорядки и волненія.

Но Высочайшій манифестъ не даетъ правительству никакого права на это! Въ манифестѣ точно указано, что объединенное правительство (совѣтъ министровъ) обязано неуклонно выполнить державную волю, независимо отъ успѣха или неуспѣха въ дѣлѣ устраненія прямыхъ проявленій безпорядка. И ни подъ какими отговорками правительство не имѣло право отмѣнять Высочайшаго манифеста!

Союзъ 17-го октября открыто и рѣзко отграничилъ себя съ обоихъ фланговъ. Мы одинаково не сочувствуемъ и революціи и реакціи: намъ одинаково кажутся незаконными, какъ насильственныя революціонныя дѣйствія, такъ и ломка со стороны правительства основныхъ началъ манифеста 17-го октября. Мы одинаково выказали себя противниками какъ тѣхъ, которые путемъ насилій, съ оружіемъ въ рукахъ хотѣли замѣнить манифестъ 17-го октября и конституціонную монархію инымъ соціальнымъ строемъ государства,—такъ и тѣхъ, которые всѣми силами стараются удержать выгодный для нихъ старый, отжившій строй. Манифестъ долженъ быть точно и непреклонно осуществленъ, какъ онъ былъ дарованъ Государемъ, и принятъ отъ него народомъ. И для осуществленія его не требовалось отъ правительства никакихъ исключительныхъ мѣръ. Нужны были только искреннее желаніе и сознаніе долга выполнить непреклонную волю Монарха!

Мы понимаемъ, что исключительныя событія требуютъ и исключительныхъ мѣръ; мы понимаемъ, что вооруженное возстаніе нельзя подавить увѣщаніями и лекціями, что его можно подавить только вооруженной силой. Мы даже убѣждены, что такъ всегда и нужно энергично подавлять вооруженное возстаніе. Но, водворивъ порядокъ, правительство обязано тотчасъ же, немедля прекратить всякое насиліе, къ которому вынуждено было прибѣгнуть, нарушивъ тѣмъ самымъ священныя основы гражданской и политической жизни страны. Послѣ подавленія вооруженнаго возстанія насилія со стороны правительства не находятъ себѣ никакихъ оправданій!

А между тѣмъ мы видимъ, что необузданный произволъ и насилія со стороны правительства продолжаются повсемѣстно, гдѣ не было даже никакого вооруженнаго возстанія. Мы видимъ, что къ революціонерамъ причисляются милліоны русскихъ гражданъ, что правительство хочетъ осилить всю Россію, недовольную его беззаконной дѣятельностью и протестующую противъ произвола и насилій съ его стороны. И, видя все это, мы должны сказать правительству: „Послѣ манифеста 17-го октября вы не смѣете дѣлать этого! Вы не смѣете посягать на наши свободы и стараться снова водворить тотъ порядокъ, который былъ главной причиной всѣхъ нашихъ золъ и несчастій!“

До чего доходитъ наглость пріемовъ, практикуемыхъ правительствомъ,—можетъ служить характернымъ доказательствомъ циркулярное распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ г. Дурново, изданное имъ еще 20-го ноября, когда онъ былъ только управляющимъ министерствомъ, но лишь недавно сдѣлавшееся достояніемъ общей прессы. Это циркулярное распоряженіе примѣнялось уже десятки тысячъ разъ. Во исполненіе его мѣстныя власти силой оружія разгоняли всякія собранія, подавляли всякій протестъ, арестовывали, ссылали безъ суда, слѣдствія, даже дознанія и даже тогда, когда суды, не находя никакого состава преступленія, оправдывали заподозрѣнныхъ администраціей въ „крамолѣ“ лицъ. Послѣднихъ и послѣ оправданія ихъ судомъ гноили въ тюрьмахъ, не предъявляя къ нимъ никакого обвиненія!

И при этомъ правительство сперва довело населеніе до вооруженнаго возстанія, а потомъ стало широко примѣнять циркуляръ г. Дурново!..

Десятки тысячъ людей сдѣлались жертвами этого циркуляра лишь за то, что, въ силу требованій своей совѣсти, своего разума, исполняли волю Государя, выраженную въ манифестѣ 17-го октября. Бездушная механика въ рукахъ правительства нарушала всѣ дарованныя намъ Государемъ права и свободы.

Какая неопытность, какое недомысліе со стороны правительства, воочію убѣдившагося въ томъ, какой взрывъ благодарности и восторга въ населеніи страны вызвали первыя же проявленія Высочайшей воли!.. Если въ пользованіи дарованными свободами люди иногда доходили до крайности, то вѣдь потому лишь, что черезчуръ изголодались въ ожиданіи этихъ свободъ.

Почувствовавъ готовность общества содѣйствовать въ подавленіи анархіи, правительство позабыло о всякихъ законахъ и стало безъ всякаго суда и всякой провѣрки виновности лишать свободы и правъ всѣхъ неугодныхъ ему людей!

И, конечно, произошло то, что возмущенное общество окончательно отшатнулось отъ правительства. Для общества стало ясно, что правительство само расшатываетъ и какъ бы хочетъ опрокинуть весь государственный строй. Оно само готовитъ себѣ гибель. Но за этой гибелью можетъ послѣдовать гибель династіи и гибель всей Россіи!..

Я напоминаю собранію, что Высочайшій манифестъ возлагаетъ на правительство обязанность обезпечить населенію исполненіе лежащаго на каждомъ долга. А этотъ долгъ—помочь спасенію родины. Предлагаю отъ имени бюро указать правительству, что:

I. По п. 1 Высочайшаго манифеста:

1. Необходимо безотлагательно, немедленно объявить законы, обезпечивающіе и регулирующіе установленныя въ Россіи свободы.

2. Отмѣнить повсюду положенія объ усиленной и чрезвычайной охранахъ.

Всѣ наложенныя съ 17-го октября безъ суда взысканія должны быть отмѣнены, либо подтверждены судомъ.

3. Введеніе военнаго положенія можетъ быть вызвано только вооруженнымъ возстаніемъ или приготовленіемъ къ нему и должно быть отмѣнено, какъ только минуетъ крайняя въ немъ необходимость. Не слѣдуетъ злоупотреблять этимъ жестокимъ правомъ, а еще менѣе злоупотреблять его примѣненіемъ тамъ, гдѣ оно по необходимости введено. Во всякомъ случаѣ примѣненіе смертной казни безъ суда въ какихъ бы то ни было случаяхъ должно быть немедленно прекращено.

II. По пункту 2. Высочайшаго манифеста:

1. Признать, что стоящій нынѣ у власти кабинетъ не исполнилъ въ точности обязательныхъ для него указаній манифеста 17-го октября о незамедлительномъ созывѣ Государственной Думы.

2. Признать и указать правительству, что главнымъ средствомъ для умиротворенія страны является скорѣйшій созывъ Государственной Думы.

3. Что совершенно неотложно необходимо, чтобы правительство не только ускорило всѣми мѣрами выборъ въ Государственную Думу, но и назначило точный и близкій срокъ ея созыва.

4. Срокомъ этимъ признать во всякомъ случаѣ срокъ не позднѣе 25—30 апрѣля сего года.

Если это будетъ принято съѣздомъ, то союзъ 17-го октября оправдаетъ свое названіе и послужитъ дѣлу спасенія родины.

Рѣчи Ѳ. Н. Плевако.

I. Наши доклады, резолюціи, наши рѣчи печать и мы сами, разойдясь по странѣ, разнесемъ на всю Русь. Къ нимъ будутъ прислушиваться. Милліоны лицъ будутъ искать въ нихъ отвѣта на свои помыслы и чувства, вызванные вопросами общаго блага. Господа, мы должны взвѣшивать каждое слово, чтобы оно выражало то, что мы хотимъ сказать, а не носило въ себѣ условій неопредѣленности, не смущало слуха возможностью быть понятымъ иначе и вмѣсто единенія не вводило бы раздѣленія.

Я нахожу въ нашемъ обиходѣ такое слово и предлагаю или замѣнить его, или выяснить то, какое значеніе мы ему придаемъ.

Русская земля въ подавляющемъ количествѣ всего населенія, какъ и мы, члены „Союза 17-го октября“, стоитъ за Царское правленіе страной: мы не мыслимъ и не хотимъ иного. Между тѣмъ мы рѣзко осуждаемъ съ точки зрѣнія общественнаго мнѣнія дѣятельность правительства въ данный моментъ. Говоря такъ, мы забываемъ,

что подъ словомъ „правительство“ можно разумѣть не только органы исполнительной власти, но и вѣнчающую его Главу государства. Народъ такъ и думаетъ. А поэтому онъ можетъ смутиться словами и приписать намъ чуждый его помысламъ, чуждый и нашимъ дѣйствительнымъ мыслямъ объемъ понятій. Мы должны въ рѣчахъ и резолюціяхъ отмѣтить, что подъ именемъ правительства мы разумѣли не Царя земли, а исполнителей Его воли, правителей, принявшихъ на себя долгъ ввести въ жизнь Царскія повелѣнія. Мы противополагаемъ Главу государства лицамъ, составляющимъ Его правительство. Мы тревожимся именно тѣмъ, что Царское слово бездѣйственно, переходя въ ихъ руки. И лучше всего будетъ, если мы откажемся отъ этого, вводящаго въ заблужденіе, термина и, высказывая наши мысли и пожеланія по поводу существующаго положенія вещей,—слово „правительство“ замѣнимъ словомъ „кабинетъ“ или „совѣтъ“ гг. министровъ. Тогда русская земля, преданная Царской власти, но уставшая отъ ожиданій, пойметъ насъ и узнаетъ въ насъ выразителей ея убѣжденій.

А засимъ, разъ истинная точка зрѣнія отмѣчена, тогда всѣ наши работы, и слово и дѣло, будутъ окрашены тѣмъ всепокоряющимъ насъ, единымъ, захватывающимъ всѣ силы русскаго человѣка, чувствомъ,—чувствомъ истомы отъ ухода въ даль желанныхъ дней грядущаго. Да, мы ждемъ, ждемъ и все еще вѣримъ, что грядетъ часъ—и пора ему придти, когда обѣтованія должны стать исполненіями, прообразы вещей — ихъ сбытіемъ. Пора слову стать плотью и вселиться въ насъ.

Чѣмъ прекраснѣе, чѣмъ свѣтлѣе день обѣщаннаго праздника воскресенія страны для новой жизни, тѣмъ томительнѣе дни страстной седмицы, исполненной непосильныхъ испытаній.

Господа! закончимъ наши думы и бесѣды о благѣ страны обращеніемъ въ формѣ ли депутаціи, въ формѣ ли всеподданнѣйшей телеграммы на имя Его Величества, и скажемъ ему то, чѣмъ бьется сердце каждаго истинно русскаго гражданина.

„Государь! Въ манифестѣ Вашемъ сказано: „Скорбь народа—скорбь Царскаго сердца“. Наша скорбь велика: мы видимъ, что манифестъ, отдѣляющій ветхозавѣтную Русь отъ новозавѣтной, Русь бездушнаго произвола отъ Руси благодатнаго будущаго, не приводится въ исполненіе. Повели, Государь, приступить къ немедленной работѣ, исполнить Твою волю. Тогда великія слова Твои, Государь, о томъ, что скорбь народа есть Твоя скорбь, восполнится еще другой истиной: „народная свобода,—это свобода его Царя!“

II. Собравшись на съѣздъ для того, чтобы ознакомиться другъ съ другомъ и поговорить по вопросамъ программы, члены съѣзда здѣсь нашли нѣчто такое, о чемъ программа не говоритъ. Въ этой залѣ, вмѣсто разрозненныхъ, чуждыхъ другъ-другу людей, оказалась единая русская семья. Но вы и мы были пріятно изумлены, что сознаніе общихъ цѣлей, сознаніе единства земли, сознаніе, что мы—дѣти одного отечества, верховенствовало надъ всѣмъ. Слова: Россія, родина, здѣсь были не пустыми звуками: на призывъ—интересы цѣлаго ставить выше частныхъ интересовъ и мнѣній—вы отвѣчали единодушными рукоплесканіями, свидѣтельствующими, что на захватывающія слова вы отвѣчали трепетомъ сердца. Вы обрѣли отечество.

Нося общее со всѣмъ народомъ міропониманіе, раздѣляя завѣты исторіи, мы въ государствѣ, свободно управляющемся подъ верховною властью Царя, видимъ залогъ развитія страны; для насъ санъ Царя не что-то нежеланное, какъ говорятъ слѣва, для насъ самъ царь не картина, которой прикрываются своекорыстные, нестоящіе на высотѣ долга партіи и люди. Мы дорожимъ исторической народной святыней. За вѣру въ насъ мы усугубимъ вѣру въ Него и заботу о Немъ, и всякому дерзновенному скажемъ: руки прочь, мѣсто священно.

Для насъ Русская Палата немыслима безъ Бога. Среди насъ раздавался вопросъ—отчего въ программѣ Союза нѣтъ мѣста заботамъ о церкви, о той церкви, которая способствовала объединенію народовъ и племенъ, живущихъ въ Россіи. Мы приняли, правда, только тѣ пункты секціи по церковнымъ дѣламъ, въ которыхъ говорилось отъ отношеніяхъ государства къ вѣроисповѣднымъ общинамъ и объ отношеніяхъ ихъ другъ къ другу, а равно и о правовомъ положеніи и неприкосновенности ихъ,—и это мы сдѣлали вотъ почему: въ политическомъ союзѣ, обсуждающемъ вопросы экономическіе и житейскаго обихода, на арену борьбы, какъ на базаръ товары, выносятся мірскія вещи, и было бы тяжело видѣть на однихъ прилавкахъ лежащими, рядомъ съ припасами пищи или одежды, священные символы и реликвіи вѣры. О церкви будутъ думать въ иномъ мѣстѣ.

Гг.! 15 мѣсяцевъ тому назадъ представители высшей власти заговорили языкомъ довѣрія къ обществу; горячія головы и сердца видѣли начала новой эры: „Весной повѣяло!“ воскликнули они; но, кажется, это были преждевременныя рѣчи. Долго еще съ сѣверныхъ вершинъ, покрытыхъ выпавшимъ зимою снѣгомъ, вѣяло холодомъ, то наносило снѣжные вихри и бури; долго еще, медленно тающій ладожскій ледъ понижалъ температуру, но весенніе дни шли, и весеннее солнце, шагъ за шагомъ, побѣждало запоздавшую стужу. Уже очистилась земля отъ снѣгового покрова; уже вышелъ Царственный Пахарь и разбросалъ по нивамъ сѣмена гражданской свободы. Страстно приняла въ свою утробу эти сѣмена жаждущая земля: они не умрутъ въ ней, она уже не отдастъ ихъ назадъ, а возраститъ плодъ по роду сѣмени и по подобію его. Весна пришла. Придетъ за ней и красное лѣто.

1450555.

Изданіе Сущевскаго Отдѣла
Союза 17 октября
по рецензіямъ „Слова“ и Своб. Трудъ“.

Дозволено цензурою, Москва, 25 февраля 1906 г.

1-во Скоропеч. А. А. Левенсонъ Москва